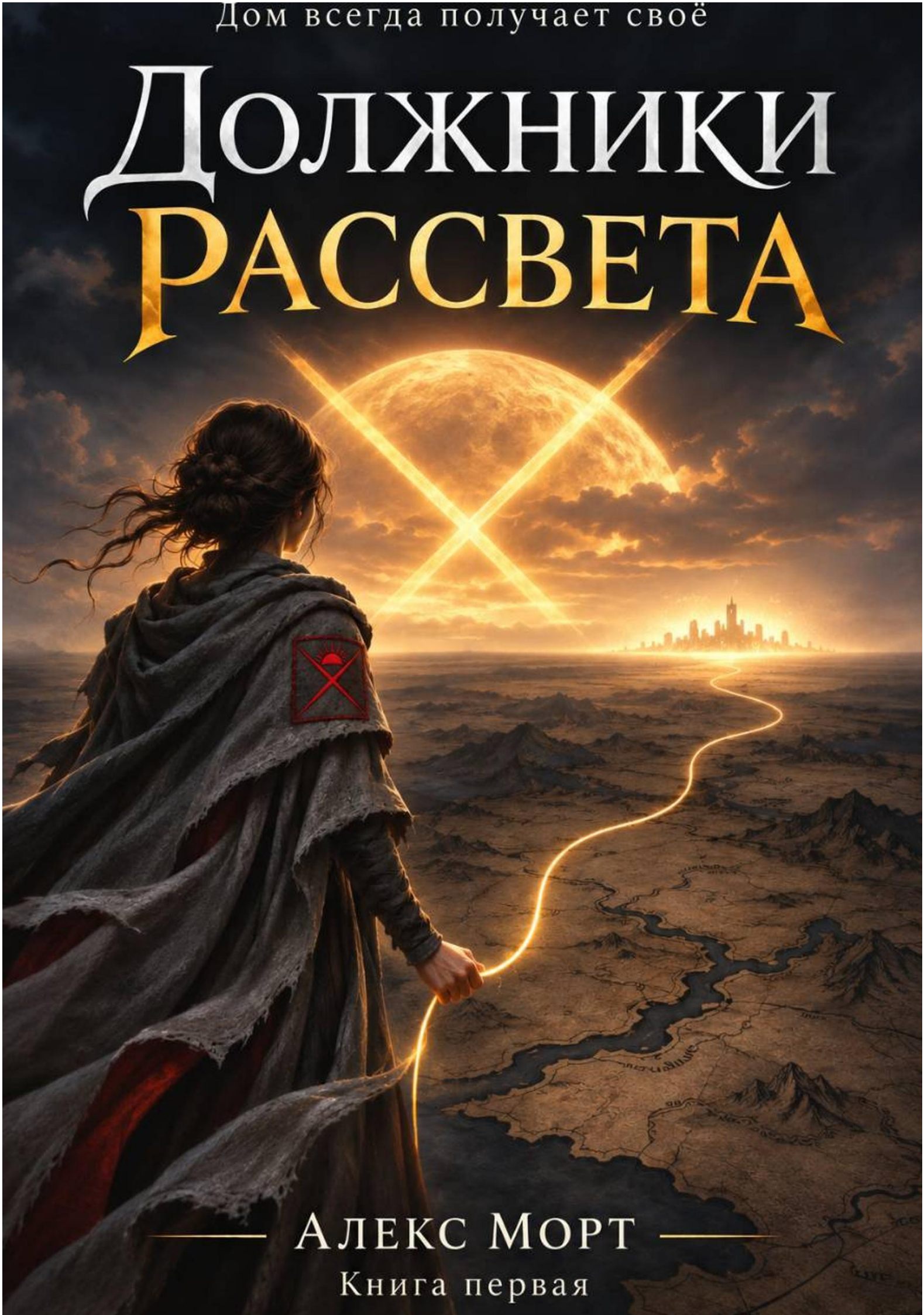
Дом всегда получает своё

Должники Рассвета

Алекс Морт

Книга первая

Алекс Морт

Должники Рассвета

«Автор»
2026

Морт А.

Должники Рассвета / А. Морт — «Автор», 2026

В мире, где магия выдаётся в долг, а платить за неё приходится годами жизни, воспоминаниями и даже именами, Айра Рейн лучше всех умеет возвращать долги Дому Рассвета. Она без дрожи отнимает у людей последнее и верит, что долги должны возвращаться.Но однажды в Архиве Счетов она находит запись о самой себе: её долг давно погашен, а заплатил за неё город, которого нет ни на одной карте. Едва Айра начинает задавать вопросы, Дом объявляет её должницей, и вчерашние коллеги выходят на охоту.Теперь Айре придётся собрать команду изгоев, ограбить хранилища собственных хозяев и выяснить, что на самом деле стоит за магией, которую все привыкли считать кредитом.

© Морт А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Алекс Морт
Должники Рассвета

Глава 1

В Нижних Кассах дождь шёл всегда, даже когда не шёл. Он жил в стенах, в ржавых водостоках, в рукавах пальто. Айра давно перестала его замечать, как перестают замечать собственный пульс.

Она остановилась у дома номер девять на улице Медников и сверилась с Книгой Счетов. Книга была маленькая, карманная, переплетённая в серую кожу, и каждая её страница стоила чьей-нибудь жизни.

«Гедеон Марш, шестьдесят восемь лет. Выдано: Малое Исцеление, три Слова Света, Ключ от Зимней двери. Погашено: девятнадцать лет жизни, имя матери, вкус хлеба, сорок два воспоминания. Остаток долга: одно воспоминание. По выбору Дома».

Одно. Всегда есть последнее, подумала Айра. Именно поэтому её и посылали.

Она постучала дважды, как положено, и подождала ровно столько, сколько положено: десять ударов сердца. За дверью зашаркали шаги, звякнула цепочка.

Гедеон Марш оказался меньше, чем она ожидала. Когда-то он, должно быть, был плечистым: широкие кости, тяжёлые кисти, привыкшие к работе. Теперь всё это висело на нём, как чужая одежда. Он посмотрел на её серый плащ, на нашивку с алым восходом на плече и не стал тратить время на вопросы.

— Вы рано, — сказал он.

— Срок вышел вчера, господин Марш. Дом дал вам лишний день. Это не обязательно, но принято.

— Мило со стороны Дома.

Он отступил в сторону, пропуская её. Айра вошла.

Комната была чистой до боли. Так убирают те, кому больше нечем гордиться: ни пылинки на подоконнике, ни складки на покрывале. На столе стояла тарелка с нетронутым хлебом. Он больше не чувствовал его вкуса, но, видимо, продолжал покупать по привычке. На стене висел детский рисунок: жёлтое солнце, кривой дом, две фигурки, большая и маленькая, держащиеся за руки.

Айра отметила рисунок и сразу забыла о нём. Профессиональная привычка: замечай всё, привязывайся ни к чему.

— Вам знакомы условия, — сказала она и села, не дожидаясь приглашения. Взыскатель всегда садится первым. Стоящий человек может бросить в тебя чем-нибудь. — Остаток долга погашается одним воспоминанием. Выбор за Домом. Вы вправе назвать одно воспоминание, которое хотите сохранить, и я не трону его. Остальное моё.

— Остальное, — повторил Гедеон. — Остального у меня нет. Вы забрали всё, что было ценно, ещё три года назад.

— Не я, господин Марш. Мой предшественник.

— Какая разница.

Ей нечего было возразить, поэтому она промолчала. Это тоже было правило: не спорь с должником о разнице.

Он сел напротив. Руки его лежали на столе, и Айра заметила, что они не дрожат. Дрожат обычно в начале. Те, кто дошёл до последнего, уже не дрожат.

— Расскажите мне, что у меня осталось, — попросил он. — Вы же знаете. Вы читали.

Айра открыла Книгу, хотя помнила запись наизусть.

— Один эпизод. Девятая весна, двор за домом. Ваша дочь учится свистеть. У неё не получается, и она сердится, а потом получается, и она смеётся так, что падает в траву. Вы стоите рядом.

Гедеон закрыл глаза.

— Её звали Мирра, — сказал он. — Я это помню. Имя помню. Лица уже нет. Только это. Весна, и она в траве, и этот звук. Смех. Это всё, что я ещё могу назвать своим.

— Мне жаль.

Это тоже было правило, и Айра произнесла фразу ровным голосом, как читают вывеску.

— Нет, — сказал он, не открывая глаз. — Не жаль. Вы хорошо делаете свою работу, девочка. Я это вижу. Но не говорите мне, что вам жаль.

Она закрыла рот. На секунду что-то неприятно шевельнулось под рёбрами, но тут же улеглось. Она подождала, пока оно уляжется окончательно.

— Вы вправе попросить отсрочку, — сказала она. — Не более трёх суток.

— Чтобы что? Попрощаться с воспоминанием?

— Некоторые так делают.

— И помогает?

Айра подумала, что честный ответ здесь был бы «нет», но честность не входила в служебные обязанности.

— Не знаю, — сказала она.

Он открыл глаза и посмотрел на неё. Вблизи они были светло-серые, выцветшие, как стираное бельё.

— Делайте, — сказал он.

Она достала из внутреннего кармана Вытяжку: тонкую иглу из чёрного стекла, полую внутри, с флаконом на конце. Положила на стол. Игла тихо звякнула о дерево.

В чёрном стекле флакона, как в крошечном зеркале, на миг мелькнуло её лицо: узкое, бледное, с серыми глазами, которые при таком свете казались выцветшими. Тёмные волосы были острижены до скул и заправлены за уши, чтобы не мешали в работе. Над левой бровью белел тонкий шрам, которого она совсем не помнила. Айра отвела взгляд раньше, чем успела его рассмотреть.

— Дайте руку.

Он протянул ладонью вверх. Айра взяла его запястье. Кожа была сухая и прохладная. Она приставила кончик иглы к тонкой синей жилке, чуть выше линии пульса, и сказала формулу:

— Именем Дома Рассвета и по праву договора.

Игла вошла без боли. Так всегда: боли нет.

Воспоминание вышло из него светом. Бледно-золотая нить, тонкая, как паутина, поползла по стеклу, и в её свете Айра на мгновение увидела то, что видел он: траву, высокую и яркую, как бывает только в детстве, маленькую фигурку в голубом платье, косу с криво вплетённой лентой, и звук, чистый, нескладный, победный. Свист. А потом смех.

Видеть чужие воспоминания было побочным эффектом, о котором в Академии предупреждали отдельно. Сначала это мешает, говорили инструкторы. Потом проходит.

У Айры прошло на втором году.

Нить дотекла до флакона и погасла. Флакон потемнел, наполнился золотом изнутри и затих. Айра вытянула иглу, прижала к ранке тампон и закупорила стекло воском.

Гедеон смотрел на свою руку.

— Вот и всё, — сказала она. — Долг погашен. Дом благодарит вас за своевременное исполнение.

Он не ответил. Он поднял голову и посмотрел на неё с вежливым недоумением человека, которого разбудили в чужом доме.

— Простите, — сказал он. — Вы от управляющего? Я, кажется, не расслышал, как вы вошли.

— Я уже ухожу.

— Конечно, конечно. — Он встал, неловко, по-стариковски. Взгляд его скользнул по комнате и остановился на стене. — А это чей рисунок? Такой славный. Не помню, чтобы я его вешал.

Айра застегнула плащ. Положила флакон в карман, Книгу в другой. Она аккуратно вычеркнула строку, поставила дату и подпись и только потом подняла глаза.

— Хороший рисунок, — сказала она.

— Да, — согласился Гедеон Марш и улыбнулся рисунку, как улыбаются незнакомому ребёнку на улице. — Очень.

На лестнице она посчитала ступени. Двадцать четыре. Всегда считала, это помогало: пока считаешь, в голове нет места ни для чего лишнего. На двадцать четвёртой ступени она остановилась, прислушалась к себе и честно проверила, как проверяют карманы после толпы.

Пусто. Ничего не пропало, ничего не прибавилось.

У подъезда её ждал мальчишка-посыльный, мокрый до нитки, с конвертом в непромокаемом футляре. Он молча достал письмо из футляра, всунул ей в руку и скрылся за пеленой дождя.

Печать на конверте была красная, с двумя лучами: личная печать Первого Казначея.

Айра сломала её на ходу и прочла в свете уличного фонаря:

«Завтра, в восемь. Архив Счетов. Чистый заказ, без должников. Явитесь лично. Я. Р.»

Чистый заказ. За четыре года службы у неё не было ни одного.

Она сложила письмо, спрятала в карман рядом с флаконом, в котором тихо плескалась чужая весна, и пошла к экипажу, не оглядываясь на окно девятого дома.

Долги должны возвращаться. Это она знала твёрдо. Это был единственный закон, который никогда не подводил.

Дождь продолжал идти. Она по-прежнему его не замечала.

XXX

Архив Счетов стоял на холме над столицей, и это было единственное здание в городе, которое дождь обходил стороной. Говорили, что Дом заплатил за это десятью годами чьей-то жизни. Айра не проверяла. Она вообще старалась не проверять то, что могло оказаться правдой.

В восемь без двух минут она назвала своё имя привратнику, в восемь без одной минуты ждала в холодном вестибюле, а ровно в восемь за ней пришла девушка в сером архивном фартуке, с чернильным пятном на подбородке и с тем особым выражением лица, какое бывает у людей, которые много лет молчат по долгу службы.

— Старшая взыскательница Рейн? — Она сглотнула. — Я Лея. Младший хранитель. Меня приставили, чтобы вы не потерялись.

— Здесь можно потеряться?

— Здесь можно потерять многое, — сказала Лея и тут же испугалась собственных слов. — То есть, коридоры длинные.

Айра отметила и испуг, и оговорку. Привычка: у каждого человека есть место, на которое нажимаешь, когда нужно, чтобы он заговорил. Но сегодня ей ничего не нужно было от младшего хранителя, и она пошла следом молча.

Зал Закрытых дел занимал весь нижний ярус. Стеллажи уходили в темноту, и на каждой полке, как кирпичи в стене, стояли тонкие серые папки, перевязанные шнурком. По шнурку определялся цвет долга: красный для телесных, синий для памяти, белый для имён. Айра смотрела на них и думала, что за четыре года ни разу не видела, где всё это хранится. Она видела только то, что приходило оттуда в виде приказов.

— Вот ваш заказ, — Лея протянула ей лист. — Одиннадцать дел. Должники умерли или исчезли, долги списаны решением Казначейства. Нужно сверить записи с Книгой Счетов, поставить отметку «Закрыто окончательно» и вернуть папки на полки. Это всё.

Айра прочла лист дважды.

— Это работа для писаря.

— Приказ был лично на ваше имя.

— Кто подписал?

Лея промолчала и показала глазами на печать в углу: две линии света, перекрещенные у основания. Айра узнала её. Она сама сломала такую печать вчера на мокрых ступенях.

— Понятно, — сказала она.

Она ничего не поняла, но привычка отвечать так, будто всё понятно, служила ей лучше любого оружия.

Первые десять дел оказались такими, как она и думала: сухие, короткие, без сюрпризов. Старуха-целительница, чей долг погасила собственная смерть. Мальчик-подмастерье, которого не нашли. Двое братьев, пропавших в один день. Айра сверяла записи, ставила отметки и чувствовала лёгкое, почти приятное безразличие, какое бывает от монотонной работы.

Лея сидела напротив, делая вид, что разбирает свои бумаги, и каждые несколько минут поднимала глаза.

— Вы что-то хотите спросить, — сказала Айра, не отрываясь от листа.

— Нет.

— Хотите.

— Это правда, что взыскатели не чувствуют? — Лея выпалила это на одном дыхании и тут же втянула голову в плечи. — Простите. Я слышала, что после первых лет это проходит. Что вы просто… перестаёте.

— Не перестаём, — сказала Айра. — Учимся не слушать.

— А это не одно и то же?

Айра подняла глаза. Лея не отвела взгляд, хотя было видно, чего ей это стоит.

— Одиннадцатое дело, — сказала Айра. — Где оно?

Лея встала, прошла вдоль стеллажа и остановилась у самой дальней полки, где свет масляных ламп уже едва доставал. Она провела пальцем по корешкам, нахмурилась, прошла дальше, вернулась.

— Здесь должно быть. Шифр… — Она шептала цифры, как молитву. — Странно. Он стоит не на своём месте. Его переставили.

Она вытащила серую папку, перевязанную синим шнурком, и протянула Айре. На корешке стояло: *Р. А.*

Айра не сразу поняла, что значат две буквы. Потом поняла, но ничего не изменилось в её лице, и это было самое неприятное: она почувствовала, что лицо не изменилось, и поняла, что оно не изменится, даже если она захочет.

— Здесь ошибка, — сказала Лея. — Это не закрытое дело, это… Простите, я не должна была… я сейчас…

— Дайте.

Папка была лёгкой. Внутри лежал один лист, плотный, желтоватый, исписанный ровным почерком. Такой почерк бывает у писцов Казначейства: каждая буква выведена так, будто за неё придётся отвечать.

«Рейн, Айра. Рождена в пятый день месяца Жатвы. Сирота, подкидыш, приёмыш Дома. Лицо дела: взыскатель первой степени».

Дальше шли цифры, много цифр. Годы, воспоминания, имена, суммы, которые она не сразу сумела сложить, потому что слагаемых было слишком много. Они тянулись вниз по листу, а в самом низу, под жирной чертой, стояли две строчки:

«Долг по договору № 1 погашен полностью. Плательщик: Верен».

Айра дочитала. Закрыла папку. Положила её на стол ровно, как кладут бумаги, не имеющие к тебе отношения.

В тишине зала что-то тихо капнуло. Она подумала, что дождь, должно быть, всё же пробрался на холм. Потом поняла, что это Лея плачет, не издавая ни звука.

— Вы знали, — сказала Айра.

— Я видела папку в прошлом месяце. Она была спрятана за общими делами. Я не знала, чья она. — Лея вытерла лицо рукавом. — А потом пришёл приказ, что вам нужно прийти именно сюда, и я подумала… я подумала, что кто-то хочет, чтобы вы её нашли.

— Кто?

— Не знаю.

Это была первая за день вещь, которой Айра поверила сразу.

Она взяла папку, перевернула и посмотрела на обратную сторону листа. Там была пометка, сделанная другим почерком, торопливым, мелким, чужим:

«Не позволяй им забыть название».

Айра не знала, чьё название и что значит «забыть». Она знала одно: за долгие годы службы Дому ей ни разу не попадалось слово «Верен» ни в одном списке, ни в одной карте, ни в одной сводке. Ни в приказах, ни в записях, ни в сплетнях. Как будто его вычистили.

А вычищенное, как учили в Академии, всегда оставляет шов.

— Положите папку на место, — сказала Айра.

Лея смотрела на неё, не двигаясь.

— Но ведь это…

— Это закрытое дело, сверенное и отмеченное, как остальные десять. — Айра взяла перо, поставила в углу короткую отметку и вернула папку. Лист, тот самый, плотный и желтоватый, остался у неё в ладони. Она сложила его вчетверо, и бумага хрустнула, как лёд. — Вы поставите её на полку и забудете, где она стояла. Это приказ, а не просьба.

Лея кивнула. Она кивнула слишком быстро, и Айра запомнила это тоже.

Карты хранились на третьем ярусе, в круглой комнате без окон. Стены были увешаны тубусами, как соты, и в каждой ячейке лежал свёрнутый лист: города, дороги, границы, спорные земли. Старший картограф, глухой, как пень, и вечно сонный, молча махнул ей рукой: смотрите сами.

Она смотрела три часа.

В Большом Атласе Королевства не было Верена. В Торговом реестре не было Верена. В списке городов, плативших Дому десятину за магию, не было ни Верена, ни чего-то похожего на него: ни Веренвальда, ни Верна, ни Вереницы. Она искала даже в старых картах, которые Академия давала первокурсникам для упражнений в чтении почерков.

Но вот что странно. Когда она положила последний лист на стол и потёрла уставшие глаза, она заметила, что одна долина слишком пуста. На всех картах, независимо от года, независимо от картографа, в этом месте не было ни речушки, ни дорожки, ни единой деревенской тропы. Весь остальной мир был испещрён мелочами, а здесь белел идеально чистый участок размером с ладонь.

Как будто кто-то прошёлся по всем картам сразу и аккуратно стёр.

«Вычищенное оставляет шов», — вспомнила она.

Айра провела пальцем по краю белого пятна. Бумага под ногтем была чуть тоньше, чем вокруг, чуть глаже. Её подтёрли. Не стёрли, а сошлифовали, как шлифуют ложь, чтобы не оставалось заусенцев.

Глухой картограф у неё за спиной поднял голову и посмотрел на неё поверх очков.

— Нету, — сказал он громко, как говорят глухие. — Давно нету. Не ищите.

— Чего нет?

— Не ищите, — повторил он и опять уронил голову на грудь.

Ей показалось, что он больше не спит.

XXX

Управление взысканий занимало верхний этаж старого здания на Монетной площади. Айра не любила сюда подниматься. Здесь пахло воском и сургучом, и все, кто попадался навстречу, смотрели чуть мимо неё, как смотрят на тяжёлый инструмент, который хозяева одалживают друг другу.

Мастер Орсон Валь принял её без очереди.

Это тоже было странно.

Он сидел за широким столом, ровный, сухой, с лицом человека, которому за сорок лет службы ни разу не пришлось повышать голос. Перед ним лежала раскрытая Книга Счетов, большая, в чёрной коже, не карманная, как у неё. Он не закрыл её, когда Айра вошла.

— Рейн. Присаживайтесь. Как прошёл заказ?

— Одиннадцать дел сверено и закрыто.

— Хорошо. — Он помолчал. — Вы пришли не за этим.

Айра села. Она много раз видела, как люди садятся перед ней в своих комнатах, и знала, что у всех это выглядит одинаково: спина прямая, руки на коленях, взгляд на того, кто может отнять. Теперь она сидела так сама и ненавидела, что знает, как это выглядит.

— Я хочу получить доступ к делам, закрытым до моего вступления в Дом, — сказала она. — По личному запросу.

— Основание?

— Рабочее.

— Не принимается. Рабочие запросы подаются через старшего по ярусу.

— Тогда личное.

Валь наконец поднял на неё глаза. Они у него были тёмные и совершенно спокойные.

— Рейн, — сказал он мягко, почти по-отечески. — Вы лучшая из тех, кого мне довелось готовить. За четыре года ни одного невозвращённого долга. Ни одной жалобы. Ни одной просьбы. Я не помню случая, чтобы вы что-то у меня просили. Поэтому я спрошу вас прямо. Что вы увидели в Архиве?

Она не ответила.

— Вам поручили проверить одиннадцать закрытых дел, — продолжил он. — Десять из них я просматривал лично. Одиннадцатое осталось на усмотрение Архива. Вы хотите сказать, что в нём было что-то, чего не должно быть?

В этом вопросе был вшит крючок, и Айра его заметила. Если она скажет «да», она признает, что видела свою запись и забрала лист. Если скажет «нет», то солжёт начальнику и тем самым нарушит единственное правило, которое не нарушала никогда.

— Я хочу знать, кто такой Верен, — сказала она.

Пауза растянулась.

Валь закрыл Книгу. Не резко. Очень аккуратно, как закрывают крышку гроба, если уважают покойника.

— Такого человека нет, — сказал он. — Такого города нет. Такого слова нет в наших реестрах. Вы устали, Рейн. Четыре года без отпуска, это много для кого угодно. Я оформлю вам три недели. Поезжайте к морю, поспите, поешьте. Вернётесь, и мы поговорим.

— Я не просила отпуск.

— Я знаю. Поэтому и даю.

Он слегка улыбнулся, и в этой улыбке не было ничего угрожающего. Это и пугало.

— Лист, — сказал он вдруг тем же ровным голосом. — Тот, что у вас в левом кармане. Положите его на стол.

Айра не шевельнулась.

Она не помнила, чтобы он смотрел на её руки, не помнила, чтобы он вообще опускал глаза, и всё же он знал, в каком кармане.

— Какой лист?

— Рейн.

— У меня нет никакого листа.

Валь долго смотрел на неё. Потом кивнул, словно получил ответ на другой, не заданный вслух вопрос.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда отдыхайте. Три недели. Распоряжение вступает в силу сегодня.

На площади шёл дождь. Настоящий, нижнекассовый, хлёсткий. Айра остановилась под козырьком, достала Книгу и сделала вид, что сверяется с записями, пока на самом деле смотрела в стекло на витрине напротив.

Ей нужно было знать, идёт ли за ней кто-нибудь.

Человек в сером плаще стоял у фонаря. Не прятался, не отворачивался, просто стоял, как стоят те, кому приказали ждать. Лицо его она не рассмотрела. Рассмотрела другое: на отвороте плаща, чуть ниже воротника, красным воском блестела маленькая печать. Две линии света, пересечённые у основания.

Это была не слежка. Слежку не показывают.

Это было напоминание.

Она спрятала Книгу и пошла через площадь, не ускоряя шага, считая по привычке. Один, два, три. Серый плащ двинулся за ней спокойно, не скрываясь. Четыре, пять. У моста через канал она свернула в проулок, и шаги за спиной свернули тоже.

На тридцатом шаге она поняла две вещи.

Первое: лист в левом кармане был единственным доказательством, что она не сошла с ума. Второе: она впервые за четыре года не знала, что будет дальше.

И странным образом, где-то очень глубоко, под рёбрами, там, где раньше была пустота, шевельнулось что-то живое.

Она не назвала это страхом. Она не была уверена, что страх так выглядит.

Но дождь больше не казался ей фоном. Она слышала каждую каплю.

Комната Айры на улице Красильщиков была похожа на неё саму: узкая, чистая, без лишнего. Кровать, стол, шкаф, два крючка у двери. Ни одной картинки на стене. Когда-то она считала это достоинством.

Она поднялась на четвёртый этаж, перешагивая через ступеньку, потому что третья со скрипом, и остановилась у двери.

На двери висел лист.

Его прибили тремя гвоздями, ровно, по углам и по центру, как всегда прибивают такие листы. Айра сама прибила их сотни. Она знала этот шрифт, этот край, этот сургуч внизу. Она знала даже слова, прежде чем прочла их:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ О ДОЛГЕ. Должник: Рейн, Айра. Основание: сокрытие документа Казначейства; неисполнение прямого указания Управления. Сумма: определяется при взыскании. Срок добровольного погашения: до заката сего дня. По истечении срока должник лишается защиты Дома. Любой взыскатель вправе взыскать с него на месте».

Внизу стояла печать с двумя лучами. И ещё одна, мелкая, размашистая подпись: *О. Валь*.

Айра прочла объявление дважды, как читают приговор, когда не веришь, что бумага способна на такое. Потом сорвала лист, смяла его в комок и тут же разгладила, не понимая зачем. Рука сама сделала это движение. Рука привыкла сохранять улики.

До заката оставалось два часа.

Собиралась она быстро. Книга Счетов, пустая, никому не нужная теперь, осталась на столе. Плащ, запасные перчатки, нож. Деньги, немного. Фляга с чужой весной, которую она

не сдала в Приёмную в положенный срок и которая теперь выглядела как единственная её собственность на всём белом свете.

Она как раз решала, взять ли серый плащ или чёрный, когда внизу хлопнула дверь.

Потом ещё одна.

Шаги были лёгкие, парные: двое поднимаются, третий остаётся на лестнице. Так работают на выезде. Она сама учила этому новичков.

Айра задула свечу, подошла к окну и открыла раму. До крыши соседнего дома было два шага. Внизу стоял мокрый, чёрный переулок, и в переулке тоже кто-то стоял. Уже не один.

Она почти улыбнулась. Они не были глупы. Они были её коллегами и знали, что она сделает.

Дверь распахнулась.

— Рейн, — сказал голос, и она узнала его. — Не усложняй.

Брен Тассо. Её напарник на втором году службы, самый добрый человек из всех, кого ей довелось встретить в Доме. Он научил её, как правильно держать иглу, как не смотреть жертве в глаза и как отличать настоящую слабость от притворной. Он носил в кармане леденцы и раздавал детям на лестницах. Айра никогда не спрашивала зачем. Теперь поняла: чтобы заглушить в себе то, что осталось от нормального человека.

— Брен.

— Я не хотел, чтобы это был я. — Он стоял в дверях, и в руке его блестела тонкая чёрная игла, та самая, какой работала она. — Они спросили, кто готов. Я сказал, что готов, потому что лучше уж я, чем Дреф. Дреф не стал бы церемониться.

— Ты думаешь, это добрее?

— Я думаю, ты вернёшь долг, и всё закончится. — Он сделал шаг вперёд. — Одно воспоминание. Выбери любое, самое неважное. Я возьму его аккуратно, ты даже не почувствуешь. Дом закроет объявление, мы вернёмся…

— Лист, — сказала Айра. — Где ты видел, чтобы объявление закрывали после первой выплаты?

Он замолчал.

— Брен. Ты знаешь, что бывает, когда ты начинаешь платить Дому.

— Знаю.

— Тогда ты знаешь, что это не одно воспоминание.

Он чуть заметно побледнел. Он знал. Все знали, и никто не говорил, потому что говорить значило признать, что и они чьи-то должники, хоть и по другую сторону стола.

— Прости, — сказал он тихо.

И бросился на неё.

Она успела уйти от иглы. Не от Брена: он был тяжелее и быстрее, чем выглядел, и первый удар пришёлся ей в плечо, так что в глазах вспыхнуло белое. Она упала на подоконник, перекатилась, и в тот же миг холодный кончик иглы чиркнул ей по шее, не вошёл, лишь царапнул.

И она почувствовала.

Тонкую, жадную тягу, будто кто-то потянул за нитку где-то под кожей, за самую глубокую, самую давнюю нитку. Перед глазами мелькнуло: большая тёплая рука, держащая её маленькую. Запах хлеба. Голос, говорящий слово, которое она знала лучше всего на свете и тут же забыла.

Игла отдёрнулась.

— Я не… — Брен смотрел на свою руку так, словно она ему не принадлежала. — Это не должно было… Я даже не нажал. Я не…

Айра не стала разбираться. Она выбросила себя в окно.

Удар о крышу напротив был жёстким, черепица поехала под ногами, и она проехала вниз на локтях, обдирая руки, потом уцепилась за водосточный жёлоб. Внизу под ней стояли двое в серых плащах. Один успел поднять голову.

Она ударила ногами в его лицо и упала вместе с ним в лужу.

Дальше всё слилось. Чьи-то руки, чей-то крик, глухой удар о стену, вкус крови на губах. Она выбралась из-под тела, вскочила и побежала, не разбирая дороги, по мокрым камням, сквозь переулки, о существовании которых и не подозревала, хотя прожила здесь четыре года.

Она свернула у кожевенной лавки, нырнула под арку, перескочила через ограду. За спиной раздавалось: «Стоять! Именем Дома!» Именем Дома. Её собственные слова, брошенные ей в спину.

Канал вынырнул перед ней неожиданно, чёрный и вонючий. Она не раздумывала. Прыгнула.

Вода была ледяной. Она сразу ушла с головой, потом вынырнула, хватая воздух, и поплыла вдоль стены, пока не нашла железные скобы, вмурованные в камень. Над головой прогрохотали сапоги, голоса, чей-то яростный крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.